

Х. А. Амирханов

МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ
ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Х. А. Амирханов

МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ
ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Москва 2025

УДК 902/903
ББК 63.4
А62

Книга подготовлена в рамках работы по теме
«Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской
равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления»
(№ НИОКТР 122011200271-7)

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. А. Выборнов*
старший научный сотрудник *А. Н. Мазуркевич*

Амирханов Х. А.
А62 Мезолит и неолит Восточного Кавказа. – М.: ИА РАН,
2025. – 312 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-495-1

В книге систематизированы археологические материалы, относящиеся к эпохам мезолита и неолита Восточного Кавказа. Рассмотрены проблемы типологического содержания культур, периодизационного статуса и хронологии как отдельных памятников, так и всего массива данных, вовлеченного в исследование. Заметное место в книге занимают вопросы культурогенеза и культурной географии Восточного Кавказа в рассматриваемые эпохи. Обосновывается выделение новой гобустанской археологической культуры, существенно уточняется нижняя граница чохской культуры, анализируется современное состояние проблемы триалетской мезолитической культуры. Особое внимание уделено локальным проявлениям неолитизации на Восточном Кавказе и описанию трех путей формирования неолитических культур в данном регионе.

Книга предназначена для археологов и историков, занимающихся изучением культуры народов Восточной Европы эпохи камня.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-495-1
DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-495-1

© Амирханов Х. А., 2025
© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Часть 1. Общие характеристики памятников. Хронология, стратиграфия, палеоботанические и палеозоологические данные	11
Часть 2. Мезолитические памятники	51
Глава 2.1. Чохская стоянка. Мезолитические слои	52
Глава 2.2. Малоисследованные мезолитические памятники Дагестана	81
Глава 2.3. Общая характеристика мезолита Гобустана	88
Часть 3. Неолитические памятники	96
Глава 3.1. Памятники Внутреннего Дагестана	97
Глава 3.2. Памятники Дагестанского отрезка Прикаспийской низменности	170
Глава 3.3. К характеристике неолита Гобустана	188
Часть 4. Наскальное искусство в мезолите и неолите Восточного Кавказа	207
Глава 4.1. Заметки о памятниках древнего наскального искусства Дагестана ...	207
Глава 4.2. Общая характеристика наскального искусства в каменном веке Гобустана	211
Часть 5. Вопросы неолитизации на Восточном Кавказе	229
Глава 5.1. Стадиальные характеристики и хронология мезолита Восточного Кавказа и Южного Прикаспия	229
Глава 5.2. Чохская и триалетская мезолитические культуры и «триалетьен»: возникновение понятий и современные интерпретации	242
Глава 5.3. Возникновение керамики на Кавказе	253
Глава 5.4. Неолитизация на Восточном Кавказе: время, механизм, последствия	263
Заключение	283
Приложение	289
Литература	299
Список сокращений	311

ВВЕДЕНИЕ

В общепринятом смысле Кавказ воспринимается как горная страна, которая разделяется на две части, пролегающие к северу и югу от Главного водораздельного хребта. Однако если такое разделение оправдано с орографической точки зрения, то оно не столь обосновано с точки зрения природно-климатических характеристик, а также общего культурно-исторического районирования рассматриваемой территории. При дифференцированном подходе деление Кавказа на восточную и западную части оказывается не менее показательным, чем разграничение его на северную и южную стороны. Причем эти две части будут делиться внутри себя на еще меньшие в территориальном отношении и различающиеся друг от друга культурно-исторические области. На Северном Кавказе таких областей две – Запад и Восток региона. Южный Кавказ в рассматриваемом отношении тоже отчетливо делится на восточную и западную части. Указанные разделения настолько выражены, что Северный Кавказ в своей западной части оказывается тяготеющим в природно-географическом и культурном отношении к западу Южного Кавказа в большей степени, чем к восточным областям того же Северного Кавказа.

Указанное обстоятельство объясняет выбор географических рамок предмета исследования, определенного как Восточный Кавказ. При этом автор не придерживается и дихотомии «Кавказ – Ближний Восток» в ее стереотипном восприятии. Наш подход предусматривает анализ и обобщение вовлеченных в исследование региональных материалов дифференцированно, не сводя анализ к некоему схематичному общекавказскому контексту.

Под Восточным Кавказом в географическом смысле автор понимает территорию, которая включает в себя на юге Куринскую впадину на восток от Триалетского хребта, идущего в субширотном направлении и соединяющего собой Большой и Малый Кавказ. Естественно, сюда входят примыкающие горные пространства, как к северу, так (особенно) и к югу от Куринской впадины. К очерченной выше примыкает также территория северной части Большого Кавказа, обозначенная в орографических терминах как Дагестанский треугольник. Последняя чаще называется Северо-Восточным Кавказом. Ее основную часть занимает горная область – Внутренний Дагестан. С запада она ограничена Водораздельным хребтом, с севера – Андийским хребтом, идущим поперек него, и с запада – непрерывной грядой предгорий, которая тянется параллельно каспийскому побережью и завершается в восточной оконечности Большого Кавказа на Апшеронском полуострове.

В качестве археологических источников в данной работе учитываются все археологические культуры мезолита и неолита, расположенные на исследуемой территории. Степень детальности анализа вовлеченных в работу конкретных материалов при этом разная. Понятно, что нет необходимости приводить в данной работе простое описание памятников и материалов, например, культуры Шулавери-Шомутепе. Большая их часть подробнейшим образом была охарактеризована в свое время советскими исследователями. В последние два десятилетия к ним добавились публикации материалов новых мезолитических и неолитических памятников (Хаджи Эламханлы тепе, Геойтепе, Дамджилы, Кмло и некоторых других). Большой вклад в изучение рассматриваемых материалов в сотрудничестве со специалистами южнокавказских стран внесли зарубежные исследователи из археологических школ Германии, Франции, Японии. Другое дело, когда речь идет о новых материалах, неопубликованных или почти не введенных в научный оборот. Последние, естественно, требуют подробного описания и интерпретаций с учетом современного уровня анализа археологических источников.

Проблематикой раннеголоценовых культур Северо-Восточного Кавказа автор занялся впервые для себя ровно полвека назад. Началась эта работа с самостоятельных раскопок такого, уже широко известного к тому времени, памятника, как Чохская стоянка. Исследования пришлось на 1974 г., а монографическое обобщение всех материалов полевых исследований было сделано в книге, вышедшей в 1987 г. (Амирханов, 1987). Несмотря на старания молодого тогда автора держаться в общем методико-теоретическом тренде, результаты исследований резко разошлись со сложившимися в то время оценками и интерпретациями культурных и хронологических аспектов изучения памятника. Значение результатов новых исследований с точки зрения возможностей, открывшихся для новых культурно-хронологических интерпретаций, приобрело масштаб, выходящий далеко за пределы горной области Центрального Дагестана.

В годы, о которых идет речь, неолитический слой Чоха со всем его археологическим содержанием (производящее хозяйство, оседлость, керамика и т. д.) в интерпретации автора претендовал на наибольшую древность в пределах неолита всего Кавказа. И для этого были основания, так как сравнимая с Чохом по керамике, но резко отличающаяся от нее по другим компонентам культура Шулавери-Шомутепе всеми безоговорочно относилась к энеолиту. Некоторые коллеги, знакомые и не знакомые с конкретными материалами, на основе сходства в керамике предполагали синхронность неолитического слоя Чоха и названной культуры. На деле же по прошествии десятилетий оказалось, что это культуру Шулавери-Шомутепе, а не Чох следует датировать иначе, удревнив ее примерно на тысячу лет и поставив вровень с неолитом Чоха. Передатировка и смена периодизационного статуса южнокавказской культуры с энеолита на неолит коренным образом изменяют подходы к проблеме неолитизации региона.

Естественно, чохские материалы занимают важное место и в предлагаемой работе. В своей неолитической части они не приросли заметно новыми материалами в сравнении с уже опубликованными ранее. Последние дополнились в количественном отношении не очень большой, но выразительной выборкой кремневых изделий,

которые в свое время автором были переданы Г. Ф. Коробковой для трасологического анализа. Впоследствии в силу ряда обстоятельств долгое время они считались утерянными. Кроме того, за прошедшее время существенно изменились интерпретации автора, касающиеся определенной части археологических находок и объектов. Это относится также к проблеме формирования и тафономии самого неолитического слоя С.

Оценивая современное состояние изученности Чохского поселения¹, можно отметить, что многие принципиальные аспекты, связанные с его исследованием, прошли проверку временем. Прежде всего оказались обоснованными выделение на памятнике культурных слоев неолита и бронзового века и относительная датировка их, соответственно, началом – первой половиной VI тыс. до н. э. и отрезком эпохи средней бронзы. Подтвердились правильность определения керамики слоя С как именно неолитической и датировка последней началом VI тыс. до н. э. Не вызывает сомнений заключение о наличии в неолитическом слое выраженных признаков производящего хозяйства в виде скотоводства (овцы, козы) и начатков земледелия. Остается без изменений вывод о наличии культурной преемственности в каменной индустрии мезолитических и неолитического слоев стоянки при имеющемся между отложениями двух эпох стратиграфическом разрыве.

Следует отметить, однако, что ряд наших предыдущих оценок потребовал спустя десятилетия значимых корректировок. Это связано с пересмотром после новых раскопок прежних представлений о формировании и тафономии слоев неолита и бронзового века. Стало ясно, что в начале раскопок нами была недооценена степень пертурбаций неолитического слоя в период освоения этого поселения обитателями бронзового века. В результате к неолиту было отнесено каменное сооружение, интерпретированное как жилище. Имел место неучет вероятности многократного заселения и кратковременных посещений стоянки в древности на протяжении времени от неолита до средней поры бронзового века. Не обошлось без ошибок осуществление при стратиграфической привязке некоторой части находок, вследствие чего предметы бронзового века оказались отнесены к неолиту.

Основной причиной имевших место некорректных оценок материалов была неудовлетворительная сохранность неолитического слоя. Последний подвергся значительным разрывам в период бронзового века. Это не могло не повлечь частичного перемешивания археологического материала. Кроме того, во время Великой Отечественной войны жители с. Чох, по их рассказам, добывали здесь, т. е. из культурного слоя, кремь для огнива. Поскольку все подобные разрывы и перекопы производились на глубину одного и того же слоя С, то выявление всех их по литологическим признакам в ходе изучения памятника оказалось не всегда возможным.

Другая задача предлагаемого исследования в части неолита Северо-Восточного Кавказа заключается в пересмотре атрибуции ряда местонахождений Центрального Дагестана, которые были определены ранее как неолитические (*Котович*, 1964). Наряду с этим, актуальным является введение в научный оборот новых неолити-

¹ Первоначальное название памятника «Чохская стоянка» было изменено нами на «Чохское поселение» после выявления на нем слоев неолита и бронзового века.

ческих памятников, выявленных на этой территории в последние десятилетия. Памятники эти большей частью неброские, но их материалы позволяют решать важные вопросы, относящиеся к культурным ареалам, проблемам географии и взаимодействия археологических культур региона в рассматриваемое время.

До настоящего времени остаются разрозненными и фрагментарными данные о мезолитических и неолитических местонахождениях Прикаспийской низменности Восточного Кавказа. Большая часть этих материалов не была в свое время детально описана и не получила корректной культурно-хронологической интерпретации.

Раскопки Чохского поселения в 2021–2022 гг. дали много нового в отношении мезолитической проблематики памятника. Во-первых, открыт неизвестный ранее и древнейший для данного памятника нижний культурный слой (слой E1). Во-вторых, расширилась исследованная площадь мезолитических слоев памятника D, E и получен важный новый материал, дополняющий ранее полученные коллекции слоев. Вновь полученные данные позволяют также фиксировать наличие разрозненных, эпизодических отрезков функционирования стоянки на протяжении накопления литологических слоев D, E, содержащих мезолитические материалы. Это становится возможным сделать, основываясь на факте переслаивания остатков кострищ на разных уровнях в одном и том же слое.

Наконец, в результате исследований последних лет получено 11 радиоуглеродных дат для мезолитических слоев памятника. Таким образом, памятник становится в ряд наиболее обеспеченных радиоуглеродными датами раннеголоценовых памятников Кавказа. Введение в научный оборот комплекса этих данных явится заметным пополнением корпуса источниковой базы мезолита Кавказа.

Из круга прикаспийских памятников неолита и мезолита особый интерес представляют стратифицированные стоянки Гобустана на востоке Азербайджанской Республики. Публикуемый в этой работе материал и его интерпретации в определенной мере восполняют существующий дефицит сведений о технико-типологическом содержании каменного века рассматриваемого региона в раннем голоцене. Изучение материальной культуры мезолита и неолита остается здесь уже более восьмидесяти лет в тени исследований экстраординарного комплекса наскального искусства в виде петроглифов. Конечно, это существенно обедняет реальную картину культуры региона в рассматриваемые исторические эпохи.

Гобустанская культура является примером максимальной адаптации культуры к полупустынным ландшафтам. Это делает ее чрезвычайно показательной для рассмотрения вопроса о нелинейности и многовариантности процессов перехода от мезолита к неолиту, притом что сам указанный переход здесь также происходит, и происходит он в то же время, что и в соседних районах классического пути неолитизации. Это одна из проблем, рассмотрению которой уделяется внимание в данной работе в связи с проблематикой заключительных этапов каменного века Гобустана.

Естественным дополнением к проблематике гобустанской культуры является рассмотрение петроглифов памятников каменного века прежде всего этого региона, а также предгорных и горных районов Северо-Восточного Кавказа. В работе сделана попытка рассмотреть под новым углом зрения систематизацию петроглифов с учетом их видов, художественных стилей, техники нанесения и тематики.

Рассмотрен вопрос об относительной датировке и соотношении выделяемых стилей с памятниками различных этапов каменного века рассматриваемой территории.

В работе затронута проблема неолитизации на Восточном Кавказе. Рассмотрены актуальные гипотезы и заключения, существующие на этот счет у исследователей, занимающихся данной проблематикой. Делается попытка осмыслить задачу дифференцированно с учетом ландшафтно-географических различий, существующих в рассматриваемом регионе. В итоге делается вывод о возможности выделения здесь трех различных вариантов трансформации мезолитической культуры в неолитическую. Указывается на взаимосвязанный характер изменений, которые произошли на Восточном Кавказе в одно и то же время, но различными путями, и имели разное содержание.

При описании конкретных археологических материалов акцент намеренно сделан на материалах Северо-Восточного Кавказа. Причин для этого несколько. Во-первых, материалы неолитической культуры Шулавери-Шомутепе, как и мезолитического инвентаря пещер Дамджили и Бавра Аблари на Южном Кавказе, как уже отмечено выше, изданы предельно подробно. Поэтому в неолитической части данной работы в отношении материалов Шулавери-Шомутепе мы ограничились привлечением их в той мере, в какой это было необходимо для изложения в работе соответствующих сюжетов.

Другая причина заключается в том, что в результате раскопок последних лет такого ключевого памятника, как Чохское поселение, были получены данные, имеющие принципиальную важность для решения собственно археологических проблем и палеоисторических реконструкций. К последним относятся такие фундаментальные вопросы, как хронология местной мезолитической и неолитической культур, время окончательного заселения Внутреннего Дагестана, направления и характер культурных взаимодействий рассматриваемых культур в рассматриваемые эпохи.

Особого отношения к себе требуют материалы мезолита и неолита Гобустана. До настоящего времени представление об этом массиве материалов у специалистов весьма и весьма приблизительное. Монографического описания и публикаций этого богатого археологического материала до сих пор не существует. Автору удалось в ходе двух специальных поездок ознакомиться практически со всеми имеющимися в хранилище Национального гобустанского историко-культурного и художественного заповедника коллекциями кремневых изделий, происходящих из памятников каменного века данного региона. Для детальной публикации автором использованы материалы стоянок Гаяарасы (мезолит) и Аназага (неолит). Эти два древних скальных убежища демонстрируют каждое для своей эпохи самые репрезентативные из имеющихся здесь материалов, как в количественном отношении, так и по их разнообразию. Таким образом, автор надеется, что культура соответствующих эпох данного региона Восточного Кавказа представлена в данной работе в полноте, достаточной в контексте рассматриваемых проблем.

Благодарности. В ходе многолетних работ, связанных с рассматриваемой в работе тематикой, автор сотрудничал и контактировал со многими коллегами, как археологами, так и специалистами в смежных научных областях. К сожалению, мно-

гие ушли из жизни; другие продолжают плодотворно работать. Берегу теплые воспоминания о В. Г. Котовиче, который буквально ввел меня в малоизвестную мне до этого проблематику археологии каменного века и наставлял на новые исследования Чоха – главного объекта его собственных занятий практической археологией.

В важных для моей работы моментах активное участие в многочисленных обсуждениях материалов Чоха принимали участие видные археологи: М. Г. Гаджиев, В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов, Г. Ф. Коробкова, В. М. Массон.

Геологические и геоморфологические исследования на Чохском поселении осуществил А. А. Лукашов, а полинологический анализ образцов – И. А. Каревская. Оба они являются профессорами Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Палеоботанические определения макроостатков из неолитического слоя Чоха сделаны археоботаником Г. Н. Лисицыной, а палеозоологические – археозоологом Н. М. Ермоловой.

Благодарен моим коллегам молодого поколения исследователей, оказавшим автору заметную помощь в ходе раскопок и технической подготовки материалов к публикации, а также включившимся в самостоятельную исследовательскую работу по рассматриваемой в книге проблематике. Среди них особо должен отметить Д. И. Чечушкову, которая несла на себе основную нагрузку в полевых исследованиях мезолитических слоев Чоха в 2022 г., а также приложила много усилий для того, чтобы обогатить имевшуюся ранее базу радиоуглеродных датировок памятника.

Зухре Кузеевой – участнице чохского проекта последних лет – признателен за мастерски выполненные рисунки публикуемого кремневого инвентаря. Рисунки гобустанской части материалов, как и используемые фотографии, сделаны автором. Эта часть иллюстраций не блещет красотой, но суть изображаемых предметов передана верно и, надеюсь, «читабельно».

Дружескую поддержку при работе с азербайджанскими материалами оказали директор Института археологии и этнографии НАНА проф. Аббас Сеидов и зав. отделом того же института Азад Зейналов.

Приношу благодарность директору Гобустанского заповедника Вугару Исаеву, ученому секретарю Севиндж Ширинли, главному хранителю Инджи Алиевой и ведущему научному сотруднику Турану Эльдарову за помощь в моей работе с археологическими коллекциями, хранящимися в музее при заповеднике, и изучении петроглифов Гобустана.

ЧАСТЬ 1

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАМЯТНИКОВ. ХРОНОЛОГИЯ, СТРАТИГРАФИЯ, ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Для выяснения генезиса культурных слоев и соответствующих палеогеографических реконструкций, относящихся к мезолиту и неолиту восточной части Большого Кавказа, могут быть привлечены материалы Чохского поселения и группы стоянок Гобустана. Чохское поселение расположено на Северо-Восточном Кавказе, в центральной, среднегорной части Дагестана, а гобустанские памятники связаны с территорией полупустынных ландшафтов каспийского побережья непосредственно к югу от Апшеронского полуострова.

ПАМЯТНИКИ ГОБУСТАНА

Гобустан – район Прикаспийской низменности, расположенный между отрогами Карадагских гор, представляющих собой восточную оконечность Большого Кавказа, и Каспийским морем. В административном отношении это Карадагский и частично Апшеронский районы Азербайджанской Республики.

Комплекс археологических объектов этого региона, благодаря наличию здесь экстраординарных памятников первобытного наскального искусства, внесен ЮНЕСКО в 2007 г. в список объектов исторического и культурного наследия мирового значения. В настоящее время на площади 3096 гектаров функционирует Национальный историко-культурный и художественный заповедник «Гобустан». Территория заповедника включает в себя пространство, на котором расположено множество разнотипных и разновременных археологических памятников.

Центрами сосредоточения памятников Гобустана являются три изолированные горы: Бююкдаш, Кичикдаш и Джингирдаг (рис.1.1; 1.1а). Все они относятся к останцевым образованиям столового типа с плоскими вершинами. Названные горы возвышаются над Прикаспийской равниной на одну и ту же высоту в несколько сотен метров. Вершины их сложены бронирующим пластом известняков толщиной, достигающей (на глаз) 15 м. Под известняками залегают

Рис. 1.1. Карта-схема расположения основных гобустанских памятников каменного века. 1 – Аназага; 2 – Кяниза; 3 – Окузлар 2; 4 – Окузлар; 5 – Овчулар; 6 – Фируз 1; 7 – Фируз 2; 8 – Гаяарасы; 9 – Гаяарасы 2; 10 – Джейранлар

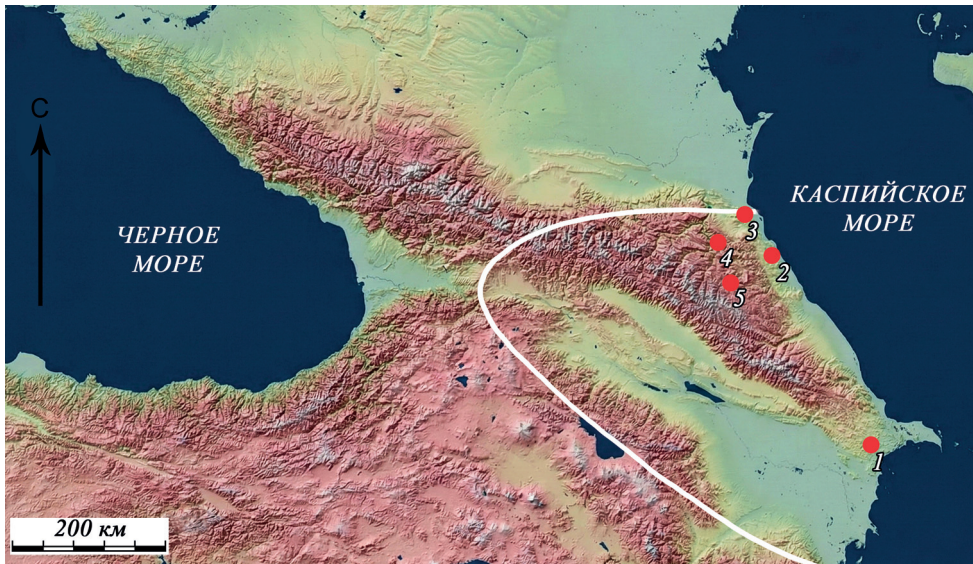

Рис.1.1а. Местоположение групп памятников мезолита и неолита Восточного Кавказа, материалы которых подробно исследуются в работе. 1 – гобустанские памятники; 2 – группа местонахождений Уйташ; 3 – группа местонахождений Алмало; 4 – данухские неолитические стоянки; неолитические и мезолитические стоянки и местонахождения Центрального Дагестана (Чох и др.)

податливые к размыву глины и глинистые сланцы. Разрушение этих глинистых отложений приводило к обрушению оставшихся без опоры известняковых пластов и накоплению их на склонах гор и у подножий в виде огромных блоков. Хаотическое нагромождение таких скальных блоков создает иногда на склонах относительно замкнутые в плане пространства, не образующие при этом перекрытия в виде сплошного потолка. Именно с такими объектами связаны обычно памятники каменного века с сохранившимися культурными слоями и скальными панно с разновременными петроглифами.

Наиболее выразительным и в природном, и в историко-культурном отношении из описываемых объектов является гора Беюкдаш. Расстояние до нее от г. Баку составляет 65 км. Сами три названных горы расположены друг от друга на расстоянии, не превышающем 3 км.

Высота над уровнем Мирового океана у подножия Беюкдаша в наши дни равна -20 м н. у. м. Это на 7 м выше в сравнении с современным уровнем Каспийского моря. Расстояние отсюда до берега моря составляет по прямой около 6 км.

Ландшафт района Гобустана в равнинной части полупустынный. Более оживленный он в местах, прилегающих к склонам и подножиям упоминаемых гор. Относительно неглубоко здесь и залегание подземных вод. Весной

и осенью выпадают дожди. В эти отрезки возобновляются временные водотоки, которые в большом количестве промыли овраги на прилегающей к горам территории. Считается, что и само название *Гобустан* происходит от азербайджанского *гоби* (балка) и персидского *стан* (место, край, страна).

В качестве района сосредоточения археологических памятников Гобустан привлек к себе внимание ученых в конце 30-х гг. XX в. На начальном этапе исследований работы были ориентированы на выявление, описание и систематизацию наскальных изображений. Эта работа велась систематически начиная с 1947 г. (*Джафарзаде*, 1948). Венцом ее можно считать монографическое исследование, вышедшее в свет в 1973 г. (*Джафарзаде*, 1973).

Археологические работы, связанные непосредственно с раскопками, были начаты в 1960 г. Они продолжались в течение 35 последующих лет под бессменным руководством Д. Н. Рустамова (*Рустамов*, 1966; 1986; 1987; 1990а; 1990б; 2000; 2006) и при активном участии Ф. Мурадовой (*Рустамов*, *Мурадова*, 1975; 1976; 1984; 1986). В настоящее время в Гобустане известно более 20 памятников, относящихся к разным эпохам, – от верхнего палеолита до позднего Средневековья. Большая их часть была в разной степени охвачена археологическими исследованиями.

Памятники каменного века сосредоточены на склонах гор Беюкдаш и Кичикдаш. По своему типу они относятся к убежищам под неглубокими навесами, образованными, как указано выше, благодаря нагромождению скатившихся с вершины гор блоков скального массива. По крайней мере, десять памятников каменного века Гобустана содержат культурные отложения, которые в большей части описываемых стоянок характеризуются многослойностью. С горой Беюкдаш связаны такие памятники из тех, о которых идет речь, как Овчулар (раскопки 1960–1961), Аназага (раскопки 1977–1978; 1986), Окюзлар (раскопки 1974), Окюзлар 2 (раскопки 1981), Кяниза (раскопки 1974–1976). Все перечисленные объекты соотносятся с так называемой верхней морской террасой г. Беюкдаш.

На склонах горы Кичикдаш раскопаны стоянки под навесами Гаяарасы (раскопки 1985–1986), Гаяарасы 2 (раскопки 1988), Фируз 1 (раскопки 1973–1973), Фируз 2 (раскопки 1972–1973), Джейранлар (раскопки 1972–1973). На всем своем протяжении археологические исследования носили разведочный или экстенсивный характер и остаются таковыми до последнего времени.

К сожалению, ни один из этих памятников не стал предметом детального многодисциплинарного изучения и монографической публикации. До сих пор не появилось не только проблемных, но даже подробных описательных исследований, посвященных типологии археологических комплексов. Остаются на начальном этапе изучения вопросы, касающиеся периодизации, хронологии, эволюции и культурной идентификации археологических памятников Гобустана. Завершение профессиональной деятельности исследователя древностей Гобустана Д. Рустамова сильно затруднило, если не остановило, разработку

названных выше проблем. В течение более трех десятков лет данная проблематика оставалась практически в стороне от внимания исследователей.

Разумеется, все отмеченное выше относится только к собственно археологическим памятникам с материальными остатками, происходящими из культурных слоев. Что же касается изучения наскальных изображений Гобустана, то эта сторона работ развивалась достаточно успешно. Большие усилия в данном направлении исследований были предприняты М. Фараджевой (*Фараджева*, 2004; 2015; 2016; 2021). Заметным событием стал и выход в свет монументальным изданием корпуса петроглифов горы Джингирдаг (*Abdullaev, Ćirinli*, 2020).

Мы не ставим задачей дать в данной работе анализ истории изучения наскального искусства Гобустана и оценку современного состояния этого направления исследований. Ограничимся указанием на то, что деятельность в этой части отмечена заметными достижениями. Заслуживает внимания и привлечение заповедником в последние годы зарубежных коллег к реализации совместных разработок в области наскального искусства Гобустана. Одним из важных результатов этого можно считать получение радиоуглеродных датировок для отдельных групп изображений, создание новой схемы классификации техник нанесения петроглифов и художественных стилей изображений. Конечно же, важно открытие новых отдельных объектов рассматриваемого рода, что позволило существенно увеличить известное ранее количество наскальных изображений Гобустана (*Фараджева*, 2015). Что касается радиоуглеродных дат, то их количество для всего комплекса гобустанских памятников превышает полсотни. К сожалению, пока не существует отдельной подробной публикации, в которой весь этот набор дат был бы опубликован в систематизированном виде и подвергнут детальному анализу в общем контексте археологической и искусствоведческой проблематики гобустанских памятников.

Таким образом, почти все коллекции памятников каменного века Гобустана до настоящего времени остаются в состоянии предварительного изучения. В литературе нашли отражение краткие публикации информационного типа, работы тезисного характера, краткие заметки, посвященные частным вопросам, разделы в общеисторических обзорах, а также тексты в научно-популярном оформлении. Главным выводом собственно археологической части этих публикаций является констатация наличия на территории Гобустана памятников каменного века, представленных индустриями почти всех эпох, начиная, возможно, с верхнего палеолита (*Рустамов*, 1986; 1987; 1990а; 1990б). Приходится признать, что большой научный потенциал стоянок каменного века Гобустана остается пока во многом нераскрытым.

Эталонной для мезолита Гобустана можно считать стоянку Гаяарасы (рис. 1.2). Аналогичную роль для местного неолита выполняет стоянка Аназага, расположенная в скальном убежище (рис. 1.3).

Рыхлые отложения стоянки Гаяарасы залегают под неглубоким скальным навесом и имеют мощность 3,7 м. Памятник был открыт и исследован

Рис. 1.2. Скальное убежище Гаяарасы; привходовая и центральная части. Вид с ЮВ

Д. Н. Рустамовым в 1985–1986 гг. (Рустамов, 1986; 1987; 1990а; 1990б; Rustamov, 2006) на площади 25 кв. м. Мезолитические отложения выявлены на глубине около 2 м от современной дневной поверхности. В толще суглинок с культурными остатками мощностью около 1,7 м на разных уровнях обнаружены остатки восьми кострищ в виде хорошо выраженных углистых пятен. Археологический материал представлен массово кремневыми и редко – костяными изделиями, общим количеством около 7000 предметов. Десять процентов от кремневых предметов составляют изделия с вторичной обработкой. Найдено большое количество фаунистических остатков (Рустамов, 1990а; 1990б). Наличие в разрезе культурных отложений многократного переслаивания кострищ в одном и том же литологическом слое говорит о присутствии здесь не одного, а множества уровней обитания, т. е. мезолитических культурных слоев или горизонтов. Их изучение с применением обычного для нынешнего времени микростратиграфического метода раскопок могло бы дать много важной информации, относящейся к проблеме эволюции местной культуры (или отсутствия таковой) внутри мезолитической эпохи.

Рис. 1.3. Скальное убежище Аназага; привходовая часть. Вид с Ю

Сохранившийся после раскопок в глубинной части памятника полный разрез отложений стоянки Гаяарасы информативен. Он и сейчас может быть использован для литологических, полинологических и, возможно, других аналитических исследований. Некоторые заключения по нему можно сделать и по визуальным наблюдениям. Так, можно отметить, что накопление отложений здесь происходило «спокойно», т. е. без эпизодических или тем более многократных событий в виде повторяющихся эрозионных выносов (иногда частичных) ранее накопившихся слоев и повторных накоплений новых культурных отложений. Следовательно, здесь сводится к минимуму возможность перемешивания материалов разновременных слоев, что отмечается, например, в таких стоянках, как Аназага, Кяниза, Окюзлар и, возможно, других. В указанных памятниках процесс накопления отложений не был изолирован от седиментационных процессов, происходивших на склоне горы Беюкдаш. Аккумуляция отложений в них не была постоянной и непрерывной. Она чередовалась эрозией ранее накопившихся слоев. В определенные отрезки времени культурные отложения подвергались смыву склоновыми делювиальными потоками вплоть до их практически полного вымывания из скального убежища. Отражением этого, например, является, по крайней мере, одна четкая непрерывная горизонтальная линия на скальной стене внутри убежища Аназага на высоте, превышающей человеческий рост. Эта линия разделяет участки с различной степенью патинизации скальных стен и фиксирует собой уровень заполнения полости убежища рыхлым материалом в какой-то из моментов аккумуляции аллохтонных рыхлых отложений на площади скального убежища. В подобных описанному случаях повторное накопление культурных наслоений отмечается (по крайней мере, в Аназага) с начала неолитического времени.

Для характеристики природного окружения, а также хозяйственных занятий обитателей мезолитических и неолитических стоянок Гобустана были бы чрезвычайно интересны данные фаунистических определений материалов соответствующих памятников. Однако последние до сих пор полностью не опубликованы в систематизированном виде. Из общей характеристики материалов скального убежища Аназага можно, например, узнать, что здесь найдено более 10 тыс. костей животных «исторического времени; 40 % найденных костей принадлежали диким лошадям (*Onager*, *Equus hemionus* Pall.), 40 % – газели (*Gazella Subgutturoza* Guld.); остальная часть крупных млекопитающих – древние быки (*Bos Primigenius* Boj.). Обнаружены также костные остатки козлов, тюленя и рыбы. Кости в большинстве своем «раздроблены и обуглены» (Фараджева, 2015).

Если при определении раннеголоценовой фауны рассматриваемой территории опираться только на видовой состав животных, изображенных на петроглифах, относящихся к каменному веку, то наиболее показательным окажется сочетание видов животных степного и прибрежно-морского биотопов. Этот, казалось бы, естественный, с учетом особенностей региона, факт особенно важен при рассмотрении его в сочетании с наличием рыболовного инвентаря (грузила для сетей в неолитических слоях), а также костей тюленя, рыбы в слоях

некоторых памятников. По одному этому показателю можно заключить, что береговая линия моря в определенные моменты находилась в непосредственной близости от места расположения стоянок Гобустана в момент их функционирования. Это, в свою очередь, может рассматриваться как косвенное, но надежное основание для прояснения, пусть в общем виде, вопроса о датировке тех или иных памятников Гобустана.

Вопросы хронологии и периодизации составляют отдельную важную проблему изучения памятников каменного века Гобустана. В литературе циркулируют выборочные даты, относящиеся к стоянкам Аназага, Гаяарасы, Фируз и др. (*Фараджева*, 2015; 2021), но при этом не всегда присутствует четкая привязка дат к конкретным культурным слоям памятников, а также нет указания на то, к какой эпохе относятся слои, из которых отобраны продатированные образцы. На данный счет в большинстве случаев есть только сведения о глубине отбора образца. Эта ситуация усугубляется тем, что отбор образцов осуществлялся не в процессе раскопок, когда производилась стратиграфическая разбивка слоев, а спустя десятилетия. К тому же материал для датирования отбирался лицами, которые сами не принимали участия в раскопках и, естественно, не были в курсе тонкостей первоначальной стратиграфической схемы памятников и тем более деталей микростратиграфии тестируемых разрезов.

Другая проблема рассматриваемого направления исследований состоит в методологии распределения изучаемых памятников в периодизационной шкале индустрий в отрезке от верхнего палеолита до неолита. Существующий до настоящего времени подход к отнесению массива памятников Гобустана к той или иной эпохе поздних разделов каменного века трудно считать сколько-нибудь четким и аргументированным. Нельзя не признать, что типологическое обоснование используемой периодизации по существу почти отсутствует. Исключением можно считать данные, относящиеся к неолитическим памятникам, коллекции которых уже в наши дни были подробно изучены и изданы (*Амирханов*, 2023а; 2023в). Существующая периодизационная разбивка является во многом или интуитивной, или она базируется на конвенциональной хронологической схеме, утвердившейся в археологической традиции. Последнее не означает, что отнесение какого-то памятника к определенной эпохе не может быть верным в каких-то конкретных случаях. Но ясно, что такой подход не гарантирует правильности предлагаемых определений. Он дает основания для скепсиса, проявлявшегося иногда по поводу хронологического места отдельных памятников, включая и те, на которых обнаружены петроглифы (*Формозов*, 1980). Когда существует необходимое и непротиворечивое количество радиоуглеродных дат, то определение возраста или места памятника в шкале периодизации не вызывает дискуссий. Но для создания схемы, базирующейся на абсолютных датах, повторим, помимо наличия необходимого количества дат, требуется их детальный анализ, осуществляемый с учетом широкого археологического контекста.

Итак, спустя более полувека после первых раскопок гобустанских памятников для некоторых из них были получены первые радиоуглеродные датировки. Для мезолитической стоянки Гаяарасы имеется наибольшее среди памятников региона количество радиоуглеродных дат (*Фараджева*, 2015; 2022). В обобщенном и систематизированном виде (чего до сих пор не было сделано) этот материал может быть представлен в следующем виде (приложение: табл. 2)¹. В приводимом материале прежде всего обращает на себя внимание то, что даты, полученные по морским раковинам в разной степени контрастности, отличаются от дат по кости и древесному углю. Тут, вероятно, срабатывает и резервуарный эффект, и в еще большей степени то, что даты по раковинам дают нам возраст гибели моллюска, а не время накопления культурного слоя, в который попали раковины. По этой причине самые ранние датировки, полученные по раковинам, не могут быть приняты нами в расчет ввиду того, что они противоречат данным, полученным по другим, более надежным материалам (уголь, кость). Отмеченное особенно относится к дате ^{14}C 42070 \pm 530, которая получена по раковине, происходящей из культурных отложений с глубины 350 см. Точно на тех же основаниях должна быть отставлена и дата ^{14}C 12200 \pm 50 (13735–13335 BP cal.; 95,4 %), имеющая хождение в литературе как указание на наиболее ранние петроглифы Гобустана.

Нельзя не принимать во внимание того, что эта дата получена по материалу менее надежному, чем кость животных из культурных отложений и уголь из остатков кострища. И если между датами, полученными по разным видам материала, существует расхождение, то приоритет, естественно, должен отдаваться дате, основывающейся не на морской раковине.

Таким образом, опираясь на радиоуглеродные даты, можно утверждать, что наиболее ранние материалы мезолита Гобустана по данным стоянки Гаяарасы датируются концом XII тысячелетия BP cal. Что касается наиболее поздних мезолитических горизонтов Гаяарасы, то, по имеющимся данным, они относятся к рубежу IX и VIII тысячелетий назад от наших дней (рубеж VII–VI тысячелетий до н. э. кал.).

Довольно подробная шкала радиоуглеродных датировок мезолитических и неолитических слоев существует для отложений пещеры Дамджила в Западном Азербайджане (*Nishiaki et al.*, 2019). Резкая граница мезолита и неолита там отбивается в самом начале VI тысячелетия до н. э. по калиброванной шкале. Приведенная выше дата верхней части мезолитической толщи скального убежища Гаяарасы указывает на то, что в Гобустане граница между рассматриваемыми эпохами могла быть аналогичной.

¹ Благодарю коллегу Д. И. Чечушкову за калибровку и приведение этих радиоуглеродных данных в соответствие с публикационными требованиями. То же самое сделано и для опубликованных к настоящему времени радиоуглеродных дат неолитических отложений стоянки Аназага. В таблице отсутствует графа, указывающая на индекс лаборатории; автор не нашел информации на этот счет.

Состояние стратиграфической, как и зооархеологической и археоботанической, изученности памятников неолита Гобустана не отличается от стоянок мезолита этого же региона. Как уже отмечалось, репрезентативным для неолита Гобустана является скальное убежище Аназага. Стоянка расположена на обращенном в сторону моря юго-восточном склоне горы Бююкдаш. Высота над уровнем моря у основания горы составляет ± 0 м. Это на 27 м выше современного уровня Каспийского моря. Расстояние от памятника до берега Каспия не превышает 5–6 км.

Раскопки на стоянке производились Д. Н. Рустамовым в 1965–1966 гг. на площади 25–30 кв. м (*Рустамов, 1966*). Культурные напластования этого памятника содержали слои неолита, энеолита, бронзового века, а также разнородные находки более позднего времени. Особое место в археологической стратиграфии памятника занимают слои 2 и 3 нумерации слоев, предложенной исследователем памятника. Они содержат многочисленные неолитические материалы в виде кремневых артефактов и фрагментированных остатков костей животных. Подробные данные о стратиграфии, планиграфии стоянки, как и развернутая характеристика археологических находок и опись фаунистических материалов, остаются до настоящего времени неопубликованными. Автору пока не удалось ознакомиться и с полевой раскопчной документацией, где эти сведения могли бы содержаться. При ознакомлении с материалами сложилось представление о том, что в коллекции каменных изделий неолитических слоев имеется примесь мезолитического материала и, возможно, артефактов более раннего, верхнепалеолитического, времени.

Каменный инвентарь всех слоев памятника вместе составляет по музейной описи суммарно 30 000 предметов (*Фараджева, 2015*). Подавляющее большинство их приходится на указанные слои 2 и 3. Подробное изучение и публикация каменного инвентаря неолитических слоев памятника осуществлены в наши дни автором данной работы (*Амирханов, 2023а; 2023в*). В последние годы наметилась тенденция к возобновлению археологических работ в скальном убежище Аназага. Пока эти работы носят ограниченный характер.

Для культурных напластований стоянки Аназага в настоящее время опубликовано 7 радиоуглеродных дат (*Фараджева, 2022*). В систематизированном и сведенном виде они представлены в таблице 3 приложения.

Данные таблицы указывают на значения возраста, соответствующие бронзовому веку, энеолиту, неолиту и мезолиту. К сожалению, и эти даты не имеют привязок к конкретным культурным слоям памятника. Все датировки, за исключением одной, сделаны по образцам костей животных, происходящих из культурных отложений стоянки и хранящихся на протяжении многих десятилетий в виде музейных коллекций.

Основываясь на характере археологического материала, происходящего из культурных отложений стоянки, можно сказать определенно, что в нем отразились все перечисленные выше археологические эпохи. Соответственно, и отбрасывать какие-то из приведенных дат как нерелевантные не приходится.

Из имеющихся четыре даты (номера в списке: 1, 2, 3, 7) совпадают с ранней группой дат мезолитической стоянки Гобустана Гаяарасы и три даты (номера в списке: 4, 5, 6) соответствуют диапазону неолита данного региона. Различия в распределении дат стоянок Гаяарасы и Аназага объясняются тем, что, судя по изученным автором индустриям этих памятников, в первой каменный век представлен только мезолитом, а в убежище Аназага заметна существенная примесь мезолитического инвентаря.

Видимые в таблице единичные факты инверсии дат по глубинам отражают сложную историю формирования культурных напластований стоянки. Этот процесс не был однонаправленным и стабильным. Он знал эпизоды и аккумуляции отложений и их эрозии. В ходе формирования культурных слоев каменного века здесь имели место размыв и вынос уже накопившихся культурных отложений. Эти процессы сменялись новой фазой накопления внутри убежища рыхлых отложений, содержащих культурные остатки. В ходе отмеченного неизбежны были и частичные переотложения археологического материала по принципу обратной стратиграфии.

МНОГОСЛОЙНОЕ ЧОХСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Более конкретные материалы для исследования комплекса вопросов, обозначенных в данной части работы, предоставляют мезолитические и неолитические слои Чоха. Благодаря многослойности, широте хронологического охвата, а также богатству и разнообразию археологического материала, Чохское поселение претендует на роль ключевого памятника для решения принципиальных проблем мезолита и неолита восточной части Большого Кавказа.

Этот памятник расположен на Северо-Восточном Кавказе, на Кегерском (Турчидагском) плато (рис. 1.4), примерно в 3 км к северу от селения Чох и 8 км к востоку от с. Кегер Гунибского района Республики Дагестан (Амирханов, 1987). Названное плато – одно из нескольких в Центральном Дагестане. Оно занимает значительную часть междуречья Казикумухского Койсу, Кара-Койсу и правого притока последней – Цанти-Чай. С северо-запада на юго-восток плато протянулось на 20 км, с юго-запада на северо-восток – на 10 км (в створе селений Согратль – Цудахар). Максимальная высота его на вершине горы Турчидаг достигает 2400 м; минимальные высотные отметки находятся в районе селения Кегер и составляют около 1600 м.

В гипсометрическом отношении плато делится на три разновысотные части. Самая низкая из них находится на правобережье р. Кара-Койсу в створе Гуниба. Она имеет высоты 1600–1700 м и отличается наименьшей площадью. Средняя часть плато, в которой находится Чохское поселение, охватывает бассейн верхний р. Бакдакули (правый приток р. Кара-Койсу), имеет высоты 1750–2240 м и занимает наибольшую площадь. Верхняя часть лежит на высотах 2150–2400 м, дренируется левыми притоками р. Казикумухское Койсу.

Рис. 1.4. Кегерское (Турчидагское) плато. Вид с 3

В геологическом отношении плато сложено с поверхности многослойной толщей доломитов и известняков верхней юры и нижнего мела – от верхнего келловея вплоть до нижнего баррема (Милановский, Хаин, 1963). Они ложатся на мощные отложения глинистых сланцев средней юры, повсеместно обнажающихся по внешним откосам Турчидагского плато под бронирующими пластами карбонатных пород.

Эрозионное освоение плато отличается крайней неравномерностью. Наилучшая освоенность присуща верховьям р. Бакдакули (район Чохского поселения), где система каньонов главной реки и ее притоков «нарезает» правобережье на узкие полосы мысообразных очертаний.

Среди склоновых процессов, идущих на плато, выделяются обвальные и обвально-осыпные, ареной протекания которых служат бровки и внешние откосы плато, а также стенки прорезающих его каньонов. Широко развиты процессы делювиального смыва, охватывающие в первую очередь склоны южной и юго-западной экспозиций, где травянистая растительность разрежена и дерновый покров фрагментарен.

Карстовые явления на Турчидагском плато развиты сравнительно слабо, что обычно малохарактерно для районов почти сплошного распространения

карбонатных пород. Из форм голого карста изредка наблюдаются скальные поверхности с трещинными каррами, хотя типичных карровых полей не встречено. Многочисленны небольшие (до 4–6 м в глубину) пещеры – ниши на стенках каньонов, карнизы, щели. Наблюдаются маломощные (до 20 см) скопления травертина на выходах карстовых вод.

В наиболее возвышенных частях плато, например к северо-западу от высоты 2240, встречаются полигональные и медальонные микроформы, свидетельствующие о развитии сезонной мерзлоты вблизи бровок плато, откуда зимние ветры сдувают большую часть снега. Соответственно, и современная растительность здесь представлена субальпийскими видами, тогда как на основной площади средней части Турчидагского плато распространена лугово-степная и луговая растительность с небольшими участками соснового и березового редколесья на склонах северной экспозиции.

Чохское поселение приурочено к подножию отвесной скальной стенки правого борта каньона р. Бакдакули. В этом месте узкий каньон верховий реки расширяется, образуя небольшую котловину шириной дна до 50 м. Смене облика каньона благоприятствует изменение геологической обстановки – из-под мощной пачки известняков здесь выходят податливые к размыву глины, кровля которых находится в 2 м над урезом реки.

Пойма на этом участке в пределах около 100 м приобретает ложбинно-островной характер. Появляются небольшие фрагменты (измеряющиеся несколькими метрами в длину и ширину) первой надпойменной террасы высотой 4–5 м над урезом. Верхи разреза террасы представлены супесчано-песчаным и супесчано-суглинистым материалом с тонкими горизонтами мелкой (редко средней), плохо окатанной гальки. Аккумулятивный характер террасы установлен в ряде обнажений на протяжении 1,5 км вниз по долине р. Бакдакули, где есть представительные разрезы с пятиметровой толщиной отлично сортированного и окатанного галечника (на том же отрезке встречаются хуже сохранившиеся фрагменты второй надпойменной террасы высотой 15–20 м). Идентификация описанной террасы и ее определение дают одну из отправных точек для общих датировок напластований Чохского поселения.

Таким образом, место для поселения было выбрано его обитателями у излучины речки на прислоненной к скале и хорошо освещаемой солнцем площадке размерами: длина – немногим менее 40 м; ширина – около 10 м и высотой над урезом реки 10–12 м (рис. 1.5; 1.6). Абсолютная высота площадки составляет 1725 м; ориентация – юго-юго-восток.

Поселение можно отнести к памятникам открытого типа. Особенностью такого рода памятников, расположенных в горах, является то, что с одной стороны они ограничены скалой, не образующей сколько-нибудь значительного навеса, и как бы прислонены к этой скале. В этом отношении к описываемому поселению близки такие северокавказские памятники, как Сосруко и Сатанай (Губский навес № 7).

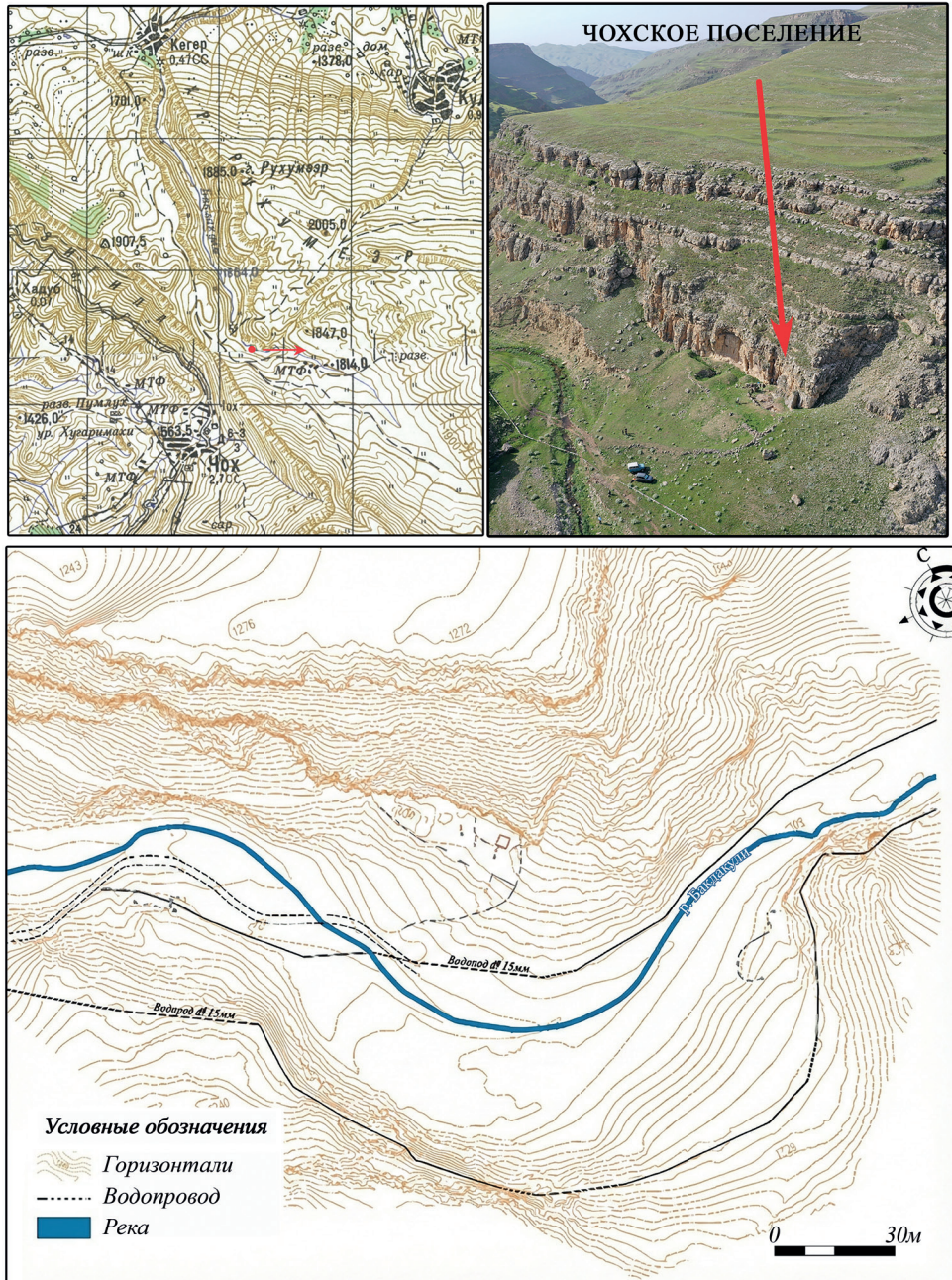

Рис. 1.5. Чохское поселение: топографический план, аэрофотосъемка и местоположение на карте

Рис. 1.6. Чохское поселение. Общий вид с ЮЗ

Первые планомерные раскопки на Чохском поселении производились, как мы уже отмечали, В. Г. Котовичем в 1955–1957 гг. (рис. 1.7), и все полученные данные были обобщены им в монографии «Каменный век Дагестана» (Котович, 1964). Вкратце итоги этих работ сводятся к следующему. В напластованиях памятника было выделено 9 геологических и 6 археологических слоев (рис. 1.8). При этом геологические слои 1–3 были прослежены на всей площади раскопа, слои 4–5 – на площади 5 кв. м и слои 6–9 – на площади 1 кв. м. Обобщенная характеристика слоев, по В. Г. Котовичу, предстает следующим образом: слой 1 – современная почва; слой 2 – рыхлый темноцветный суглинок, обильно насыщенный угловатым известняковым щебнем и глыбами известняка; слои 3–9 были схожи между собой по характеру заполнителя (плотный светло-желтый суглинок), но различались по содержанию грубообломочного материала. Слои с преобладанием щебня определялись как делювиальные, а слои, содержавшие большое количество обломков известняка вместе со щебнем, – как делювиально-коллювиальные. Исходя из этого, для толщи слоев 3–9 получалась картина

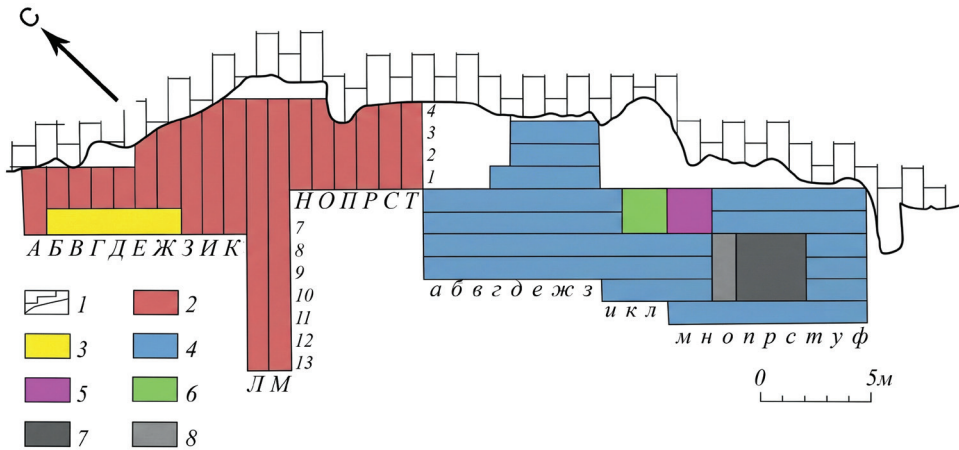

Рис. 1.7. Чохское поселение. План раскопов разных лет

последовательного чередования делювиальных и делювиально-коллювиальных отложений, что, по мнению В. Г. Котовича, служило указанием на генезис данных слоев в течение одного «геологического периода». Слои 1 и 2 связывались, соответственно, с двумя другими, более поздними периодами (Котович, 1964).

Естественно-научные основания для установления хронологических рамок этих периодов отсутствовали. Специальные геологические исследования в районе поселения не проводились. В. Г. Котович располагал лишь указанием геоморфолога Д. А. Лилиенберга об образовании верхних слоев стоянки (нижних слоев Д. А. Лилиенберг не видел) в конце плейстоцена – начале голоцена (Котович, 1964). Данные анализа фауны (Верещагин, 1959) также не способствовали конкретизации датировок, тем более что фауна всех слоев изучалась суммарно, без членения по вертикали. Поэтому здесь не геологические данные служили датировке археологического материала, а наоборот. В монографии В. Г. Котовича мы читаем: «...определению возраста этих (геологических. – Х. А.) слоев и, стало быть, соответствующих геологических периодов в немалой степени способствуют археологические материалы» (Котович, 1964).

Как отмечалось, археологических слоев было выделено шесть. В геологическом слое 2, по описанию В. Г. Котовича, залегают культурные слои 1 и 2, в слое 3 – культурные слои 3–5, с геологическим слоем 8 связывался культурный слой 6. Слои 1 и 2 археологической стратиграфии были датированы соответственно поздним и ранним мезолитом, слои 3–5 отнесены к «трем последовательным фазам развития культуры на заключительном этапе верхнего палеолита» (Котович, 1964. С. 119) и слой 6 определен как ранневерхнепалеолитический.

Основанием для расчленения литологически единых культурных слоев 3, 4, 5 для В. Г. Котовича послужил продольный разрез раскопа по западной стенке линии Д (см. план на рис. 1.7), где были прослежены линзы дресвы, как будто

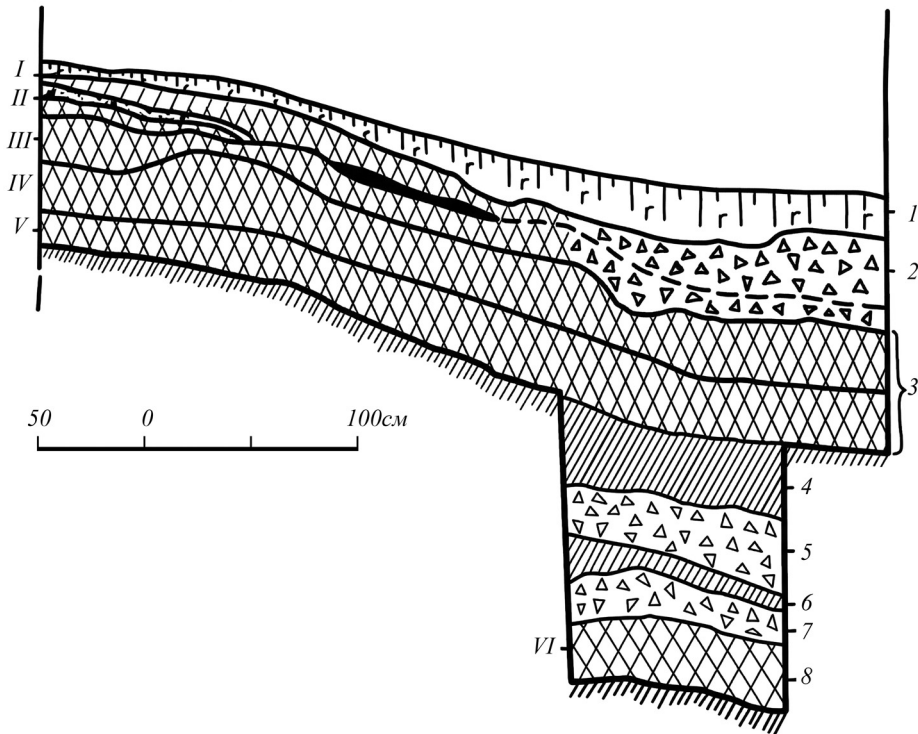

Рис. 1.8. Чохское поселение. Генеральный поперечный разрез отложений (раскоп 1955–1957 г.; по: Котович, 1965)

бы стерильные в археологическом отношении, а также факт переслаивания ко-стрищ, т. е. их расположение в слое один над другим на различной глубине. При этом определенное количество культурных остатков было найдено непосредственно на современной поверхности исследуемой площади и в почвенном слое. Наличие этих остатков объяснялось частичным разрушением культурных слоев в результате распашки, и стратиграфического значения им не придавалось.

Таким образом, после окончания раскопок поселения в 1957 г. здесь было выделено два мезолитических и четыре верхнепалеолитических слоя. Нижний, шестой, археологический слой был открыт только в 1957 г. и разведан шурфом на площади 1 кв. м. Если вычленение последнего никем не оспаривалось, то деление вышележащих отложений вызвало возражения со стороны А. А. Формозова (1963). В статье, посвященной обзору исследований мезолитических стоянок Кавказа, он высказался за выделение на Чохском поселении двух культурных горизонтов. По мнению А. А. Формозова, слои 5–I следовало считать единым слоем и, исходя из наличия в нем трапеций, датировать

его мезолитом. Что касается нижнего слоя (слой 6, по В. Г. Котовичу), то А. А. Формозов отнес его к более раннему времени, но в пределах верхнего палеолита (Формозов, 1963).

В связи с решением вопроса о культурных вариантах верхнего палеолита и мезолита Кавказа материалами Чохского поселения оперировал Н. О. Бадер (1965). В отношении датировки комплексов памятника он не высказывался, ссылаясь на нерешенность вопроса, но исходил из того, что здесь представлены и верхнепалеолитические, и мезолитические слои. Такого же мнения придерживались все исследователи, в той или иной мере касавшиеся рассматриваемой проблемы. Никто из них не рассматривал возможность существования на этом памятнике культурных слоев бронзового века и неолита.

В 1980 г. Северокавказский горный отряд Института археологии АН СССР произвел новые частичные исследования памятника. На расстоянии 12 м от раскопа 1957 г. был заложен контрольный шурф размером 2 × 2 м (рис. 1.7). Целью работ было достижение скального дна, выявление полного разреза отложений и наблюдение над протяженностью и характером культурных слоев на этой части поселения. В 1982 г. этот шурф был расширен к западу еще на 4 кв. м. Новый зондаж также был доведен, как тогда казалось, до скального основания.

Углубление производилось условными горизонтами в 8–10 см с погоризонтной фиксацией материала. Глубина шурфа составила 3,6–4 м. В разрезе А-Г опорного шурфа 1980 г. (рис. 1.9) было достигнуто скальное дно. В направлениях А-Б и Г-В, т. е. в сторону, противоположную от скалы, дно резко погружалось, поэтому с глубины 3,6 м от дневной поверхности шурф стал сужаться, а на глубине 4 м выявление дна на оставшейся площади шурфа полосой примерно 0,8 м было прекращено из-за невозможности дальнейшей работы. Описание разреза, обнаженного шурфом, приведено в таблице 1.1.

В 1981–1982 гг. на поселении нами исследовался обширный раскоп (110 кв. м; раскоп № 2), который включил в себя шурф 1980 г. На этой площади были вскрыты три верхних слоя, в том числе и культурный слой С. Вновь исследованный участок вплотную примыкал к раскопу 1955–1957 гг. Однако соотнести непосредственно хотя бы верхние части разрезов старого и нового раскопов оказалось невозможно. Причиной тому было то, что «стык» раскопов, о которых идет речь, пришелся здесь на наиболее активно переработанный строительной активностью человека участок памятника. Тогда мы исходили из того, что расположенные на этом участке остатки стен относятся к неолиту. Новые работы привели нас к заключению о том, что эти строительные остатки относятся к эпохе бронзы и возведение здесь в свое время стены способствовало существенно разрушению на данном участке неолитического слоя С.

До возобновления наших раскопок в 2021 г. нижележащие слои в раскопе 1980–1982 гг. оставались представленными разрезом шурфов 1980 и 1982 гг. общей длиной 4 м. С возобновлением раскопок 2021–2021 гг. прибавилось еще 4 метра. Правда, линия новой стенки разреза проходит не в одной и той же

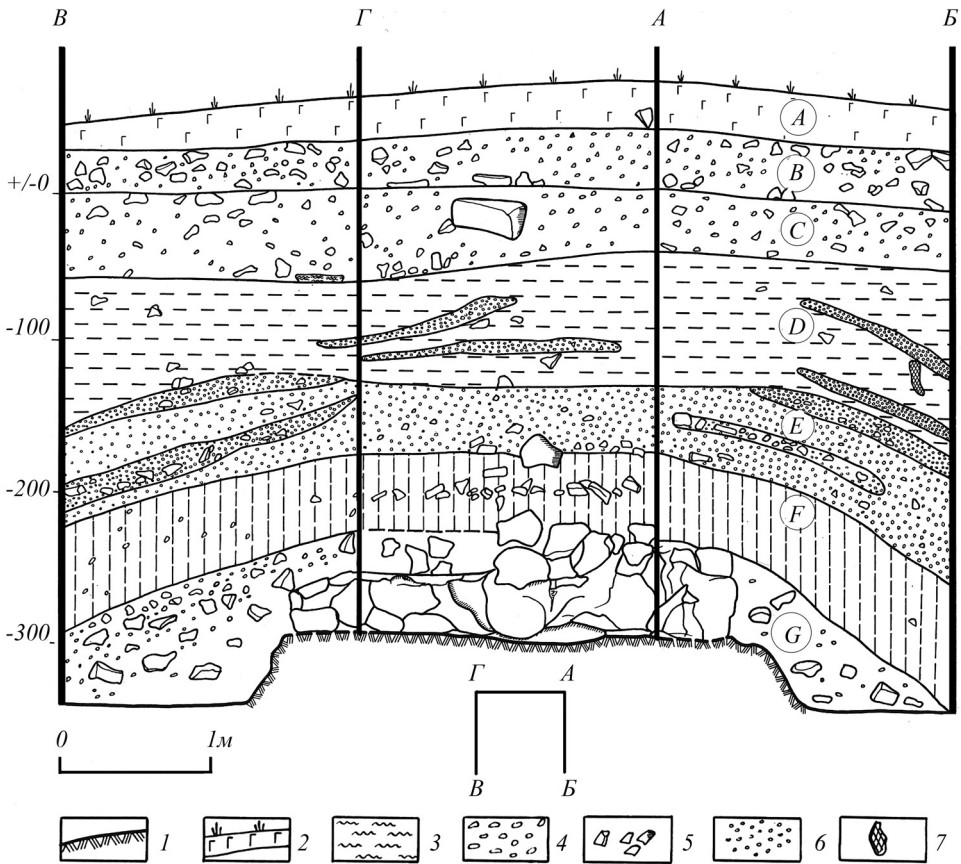

Рис. 1.9. Чохское поселение. Шурф 1980 г.

Разрез отложений (трехсторонняя развертка шурфа. 1 – скала; 2 – гумусный слой; 3 – очажная масса; 4 – щебень; 5 – глыбы; 6 – дрова; 7 – кротовины

плоскости, что и старая. Описание этого разреза по северной (как и в случае предыдущего, рассмотренного выше разреза) стенке раскопа приведено в таблице 1.1 (рис. 1.10; 1.10а; 1.11). В данном разрезе отсутствуют верхние три слоя (А, В, С); они были разобраны на этом участке раскопками 1981–1982 гг. и поэтому не вошли в описываемый разрез (табл. 1.2).

Принципиально важным со стратиграфической точки зрения в раскопках 2021–2022 гг. стало выявление нового литологического и одновременно культурного слоя Е1. Он оказался новым, третьим по счету мезолитическим слоем данного памятника. Слой Е1 существенно отличается от вышележащего слоя Е в литологическом отношении и по незначительности своей мощности; в толщину он уступает в четыре раза слою Е и почти столько же слою D. Описываемый слой выклинивается в сторону скального массива (тыльная часть стоянки)

Таблица 1.1. Чохское поселение. Разрез шурфа 1982 года¹

Слой	Характеристика слоя	Мощность, в м
А	Гумусовый слой современной горно-луговой почвы. Культурных остатков не содержит	0,15–0,25
В	Желтоватый рыхлый опесчаненный суглинок, насыщенный неокатанным щебнем и обломками известняка. Пронизан корнями растений. Залегание горизонтальное. Встречено несколько костей животных	0,30–0,40
С	Темно-серый легкий суглинок, насыщенный неокатанным мелким и средним щебнем с включением отдельных обломков известняка. Залегание преимущественно горизонтальное. Контакты четкие. Насыщен культурными остатками (строительные остатки, кремни, керамика и др.). Цвет слою придан пеплом и золой	0,45–0,60
Д	Желтовато-коричневый легкий плотный суглинок с незначительным содержанием среднего щебня и некрупных обломков известняка. Крупнообломочный материал, неокатанный, выветренный до хрящевидного. Заключает две тонкие (10 см) линзы дресвы (горизонты вымывания мелкозема?). Верхний контакт четкий, нижний – различимый. Кровля горизонтальная; линия основания падает к югу (в сторону, противоположную скале). Содержит культурные остатки (кремень, угольки, фрагменты костей)	0,70–1,20
Е	Желтовато-серая супесь, насыщенная дресвой и хрящевидным щебнем, образующим линзы (горизонты вымывания?). Падает к югу на 25°. Верхний контакт различимый, нижний – четкий. Содержит культурные остатки (кремни)	0,50–0,80
Ф	Желтовато-коричневый оглеенный средний 0,55–0,80 плотный суглинок. Содержит горизонт некрупных неокатанных обломков известняка. По мере удаления от скалы цвет слоя темнеет, появляются щебень и дресва. Падает к югу на 25°. Верхний контакт четкий, нижний – различимый. Археологических находок не содержит	0,55–0,80
Г	Коричневый средний плотный суглинок, насыщенный крупными обломками известняка и известняковым щебнем. Верхний контакт различимый. Круто падает к югу в сторону долины р. Бакдакули. Археологических находок не содержит	0,60–?

¹ Характеристика геолого-геоморфологических условий памятника принадлежит д. г. н., профессору МГУ А. А. Лукашovu. При его участии сделано и описание данного разреза.

Рис. 1.10. Чохское поселение. Стратиграфический разрез отложений по северной стенке раскопа 2022 г.

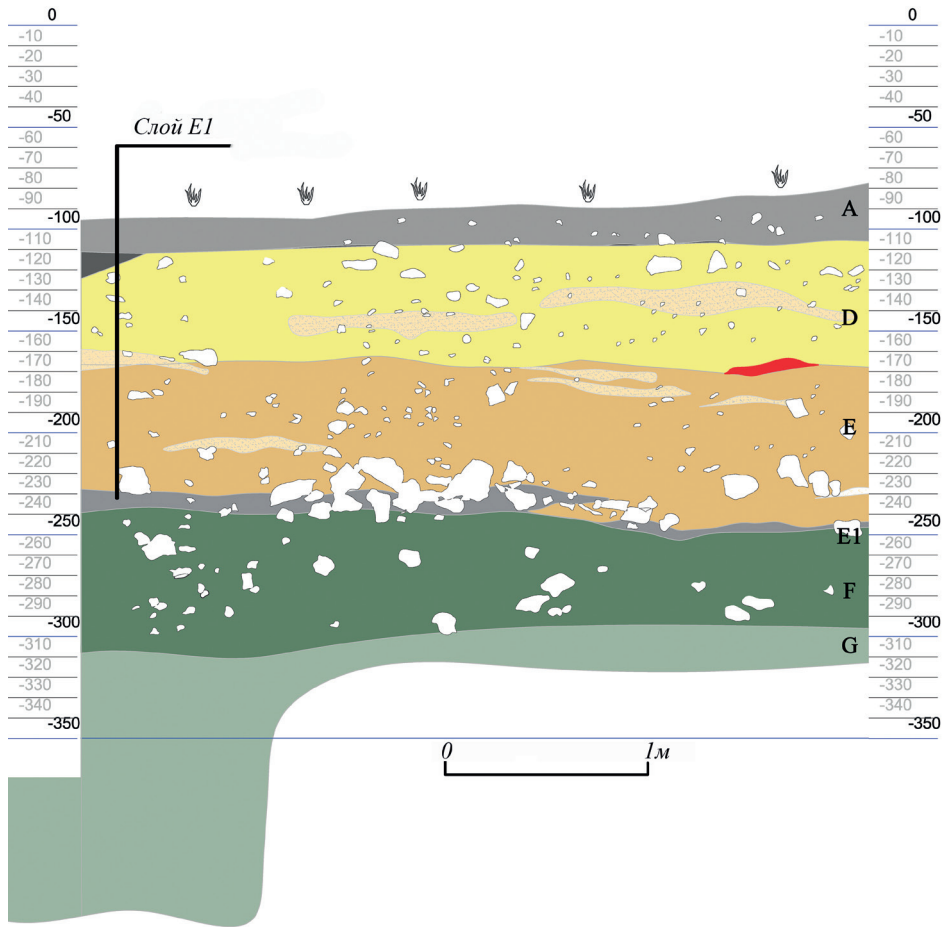

Рис. 1.10а. Чохское поселение. Стратиграфический разрез отложений по северной стенке раскопа 2021–2022 гг.

и набирает мощность по мере распространения в противоположном направлении, т. е. в сторону долины р. Бакдакули. Хорошо заметная на глаз гумусовая темноцветная окраска слоя свидетельствует о каком-то особом климатическом эпизоде, в течение которого происходило формирование данного слоя.

Мезолитические слои, перекрывающие слой E1, имеют гравитационно-делювиальную природу и характеризуются преобладанием мелкоземистого базального заполнителя. Наблюдается отчетливый наклон горизонтов щебнистого материала (в тех случаях, где они имеются) от стенки каньона в сторону оси долины. «Немые» в археологическом отношении слои, подстилающие слой E1, образованы довольно мощными отложениями склонового генезиса.

Рис. 1.11. Чохское поселение. Стратиграфический разрез отложений по южной стенке раскопа 2022 г.

Таблица 1.2. Чохское поселение.
Разрез отложений с уровня, достигнутого раскопками 1980–1982 гг.
(Раскопки 2021–2022 гг.)

Слой	Характеристика слоя	Мощность в см
A1	Светло-серый гумусированный суглинок, с неравномерным включением редких известняковых обломков, щебня и дресвы – наносной слой, накопившийся на поверхности, достигнутой раскопками 1982 г. (т. е. образовавшейся в результате раскопок 40-летней давности). Археологических остатков не содержит	15–20
D	Желтовато-серый плотный суглинок с незначительным содержанием среднеразмерного щебня и некрупных обломков известняка. Контакт с нижележащим слоем различимый. Залегание – субгоризонтальное. Содержит культурные остатки в виде расщепленного кремня, единичных древесных угольков, мелких фрагментов раздробленных костей и остатков кострищ	48–64
E	Коричневато-серый опесчаненный суглинок с незначительным содержанием хрящевидного щебня и единичных обломков известняка. Верхний и нижний контакты различимые. Залегает с падением на юг так же, как и слой D. Содержит археологический материал в виде расколотого кремня, единичных угольков, мелких фрагментов раздробленных костей и остатков кострищ	60–65
E1	Темноцветный легкий гумусированный суглинок с содержанием незначительного количества мелкого и среднего щебня. Содержит археологические остатки в виде расщепленного кремня и мелкораздробленных костей животных, а также остатков кострища	Максимальная мощность – 15–17
F	Суглинок зеленовато-коричневый, оглеенный, насыщенный известняковым щебнем и с включением глыб известняка без признаков окатанности и выветрелости. Археологических остатков не содержит	50–65
G	Суглинок коричневато-серый, менее насыщенный щебнем и с включением отдельных обломков известняка. Щебень представлен относительно мелкой фракцией. Археологических остатков не содержит	Прослежен на глубину 90 см